

© 2014 г.

М. Д. Бухарин

НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ВОСТОЧНОГО ТУРКЕСТАНА¹

В статье публикуются ранее не изданные документы, проливающие новый свет на историю археологического изучения Восточного Туркестана: письма М.М. Березовского, А. Грюнведеля, направленные как друг другу, так и С.Ф. Ольденбургу и В.В. Радлову соответственно, а также официальные документы. Основной темой публикуемых документов является конфликт интересов между немецкой и российской экспедициями в связи с несоблюдением условий раздела областей раскопок.

Ключевые слова: Восточный Туркестан, археология, экспедиция, архивное дело, С.Ф. Ольденбург, М.М. Березовский, А. Грюнведель, В.В. Радлов.

Российское академическое востоковедение внесло существенный вклад в изучение Восточного (Китайского) Туркестана². Главными вехами на пути исследования данного региона явились две экспедиции 1909–1910 и 1914–1915 гг., отправленные «Русским комитетом для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом и лингвистическом отношении» (далее – Русский комитет) под руководством С.Ф. Ольденбурга, а также работы Д.А. Клеменца и М.М. Березовского, предшествовавшие им. Результаты этих работ по сей день остаются в значительной степени неизданными³. И в самой истории изучения Восточного Туркестана немало «белых пятен», так как остаются неизданными не только результаты исследований, но и подготовительные материалы к ним.

Одним из таких «белых пятен» является конфликт, возникший в 1906 г. между Прусской императорской турфанской экспедицией (далее – ПИТЭ) и экспедицией Русского комитета под началом М.М. Березовского. Многие обстоятельства этой «темной истории» неясны, большая часть документов не опубликована, а о существовании некоторых источников приходится только догадываться.

Бухарин Михаил Дмитриевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Institute of World History, Russian Academy of Sciences), руководитель Центра истории Древнего Востока.

¹ Публикация подготовлена в рамках работы над проектом РГНФ (№ 12-01-00097) «Становление и развитие российского востоковедения в свете новых документов из архивных собраний РАН и РГБ». Автор благодарит директора Санкт-Петербургского филиала Архива РАН д.и.н. И.В. Тункину за оказанное содействие в работе.

² См. подробнее Мясников 2012, 262–271.

³ Тункина 2013; Тункина (в печати).

Русский комитет был создан в 1902 г. как составная часть Международной ассоциации по изучению Центральной и Восточной Азии⁴, которая была сформирована по инициативе В.В. Радлова на XII Международном конгрессе востоковедов в Риме в октябре 1899 г. Именно Русский комитет являлся центральным координирующим органом Ассоциации. В его первый состав входили: председатель – В.В. Радлов (после его смерти – С.Ф. Ольденбург), товарищ председателя – В.А. Жуковский, секретари – В.В. Бартольд, Л.Я. Штернберг, остальные члены в разное время: С.Ф. Ольденбург, А.А. Бобринский, Н.И. Веселовский, А.В. Григорьев, А.А. Васильев, К.Г. Залеман, И.Я. Коростовец, Д.А. Клеменц, П.М. Мелиоранский, Н.П. Остроумов, П.С. Попов, Э.Э. Ухтомский, Г.А. Эзов.

Подобные комитеты были созданы и в других странах, заинтересованных в исследованиях Центральной Азии, в том числе и в Германии. В печатном органе Русского комитета – «Известиях Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии...» – публиковались уставы международного (1903. № 1. С. 7–9) и национальных комитетов: Русского (Там же. С. 10–12), Венгерского (1905. № 5. С. 31–32), Французского (1906. № 6. С. 17–18), Итальянского (1907. № 7. С. 9–11); устав Германского комитета так и не был опубликован. Председателем Германского (Турфанского) комитета был индолог Р. Пишель⁵, а его «правой рукой» – археолог-искусствовед А. Грюнведель.

До некоторой степени представление о конфликте дают уже опубликованные письма и документы А. Грюнведеля. Письма к Э. Куну⁶ показывают, что миссии ПИТЭ в Турфан, куда Грюнведель попал по приглашению российской стороны, в частности В.В. Радлова и Д.А. Клеменца, готовились в чрезвычайной спешке, вызванной опасениями, что немецким исследователям не представится возможность работать в Турфане, который могли бы занять российские исследователи: «К спешке понуждает уже то, что русские тоже могут снова отправиться в путь», – пишет он Куну в письме от 12 июня 1904 г.⁷ О том, что три российских исследователя (вероятно, М.М. Березовский и его спутники) собираются в Восточный Туркестан, пишет он Куну со слов В.В. Радлова в следующем письме от 24 июля 1904 г. Далее он прямо признается: «Мой ассистент Лекок и мой обученный слуга⁸ должны в августе отправиться в Турфан через Пекин, ничего не сообщая русским, чтобы быть там раньше русских!». С другой стороны, в этом же письме Грюнведель выражает опасения, что если немецкие археологи начнут работу в Турфане без российских коллег, то российская сторона предпримет все возможные шаги, чтобы не только отрезать немецким археологам путь в Европу через Россию, но и сумеет максимально усложнить сами работы

⁴ Association Internationale pour l'Exploration Archéologique et Linguistique de l'Asie Centrale et de l'Extrême Orient; Central and East Asia Exploration Fund. Устав «высочайше утвержден» 2 февраля 1903 г. (Назирова 1992, 147–148).

⁵ Рихард Пишель (Richard Pischel; 1849–1908) – крупный немецкий востоковед-индолог; в 1888–1902 гг. он занимал пост Управляющего делами и Библиотекаря «Немецкого востоковедного общества» (Deutsche Morgenländische Gesellschaft); с 1900 – ректор университета Халле – профессор кафедры индологии в университете Фридриха-Вильгельма (Берлин). Пишель возглавлял Турфанский комитет, занимая пост, аналогичный тому, который занимал В.В. Радлов в Русском комитете.

⁶ Эрнст Кун (Ernst Kuhn; 1846–1920) – немецкий востоковед, специалист по истории индо-иранских языков. Кун – один из наставников Грюнведеля в университете Мюнхена, преподавал ему авестийский язык.

⁷ Grünwedel 2001, 48.

⁸ Здесь имеется в виду Теодор Бартус (Theodor Bartus; 1858–1941) – немецкий мореплаватель и музейный работник. Начинал как мореход, штурман, капитан корабля в Австралии. Когда он находился в Германии, его банк в Австралии обанкротился. Оставшись без средств к существованию в чужой стране, Бартус нанялся рабочим в Этнографический музей в Берлине. В 1902–1914 гг. – участник всех четырех Турфанских экспедиций под руководством А. Грюнведеля и А. фон Лекока. Бартус разработал методику максимально бережного снятия фресок и надписей со стен пещерных храмов. В дальнейшем работал в Месопотамии и Индии; до конца жизни занимался обработкой новых поступлений в музейные фонды. О нем см. Grewolls 1995, 32; Knüppel 2010, 14–18.

в Турфане⁹. В письме от 9 сентября 1904 г. Грюнведель не без удовлетворения отмечает, что из-за нехватки денег российские исследователи М.М. Березовский и С.М. Дудин никуда не едут; в письме от 9 декабря 1904 г. целый абзац посвящен планам Березовского и причинам его задержки в России¹⁰.

В этом же письме содержатся важнейшие сведения относительно обеспечения собственных интересов обеими экспедициями: «Берлинской экспедиции в соответствии с переговорами с петербургскими господами определена вся долина Турфана до Хами, а кроме того еще Бугур и округа и, наконец, еще Сангим, к югу от Лукчуна. Это очень выгодно, но и смешно, так как область столь велика, что там смогут работать двадцать экспедиций, если только их целью не является расхищение рукописей»¹¹. Эта информация подтверждается документом № 4, публикуемым ниже.

Вероятно, в начале 1905 г. между Русским и Немецким комитетами разразился конфликт. Детали его начальной фазы пока неизвестны, однако описание его Грюнведелем в письмах к Куну от 10 февраля и 2 марта 1905 г. дает основание предположить, что немецкая экспедиция не предоставила российским исследователям, в частности Радлову, те находки, которые должна была предоставить. Характерно следующее высказывание Грюнведеля: «Радлов изрыгает огонь – но совершенно невозможно, чтобы я дал ему фото и документы, которые уже обрабатывают другие»¹². В связи с начавшимся конфликтом и начавшимся, судя по всему, не из-за нарушения договора о разделе территорий раскопок, Грюнведель испугался, что обратный путь через Россию ему будет закрыт, – эта тема поднимается в нескольких письмах к Куну в течение всего 1905 года, – и решил ехать через Индию. Однако его опасения были напрасны: никто не собирался закрывать немецкой экспедиции путь домой через Россию. Показательно, однако, и то, что отношения между Радловым и Грюнведелем были фактически прерваны на четыре года: поддерживая отношения с Д.А. Клеменцем и С.Ф. Ольденбургом, Грюнведель не имел возможности сохранять личные и научные связи с В.В. Радловым до их возобновления в 1909 г. Из более поздних документов для обсуждаемого сюжета определенно интерес представляет так называемый «Отчет Грюнведеля для Главной Дирекции по обвинению в плагиате». В нем он жалуется, что «не знал, что предложения о разделе областей работ со стороны Императорской русской академии будут иметь столь малый успех»¹³. Дальнейшие обстоятельства проясняют документы, публикуемые ниже.

Вот как, в частности, суть конфликта описывается в недавней весьма значимой публикации: «Возникли некоторые разногласия, так как немцы настаивали на том, что Грюнведель ранее заключил соглашение с русскими, разграничивающее поле их деятельности: немцы должны были вести раскопки возле Турфана, а русские – возле Кучи»¹⁴. Когда немцы прибыли в Урумчи, они обнаружили, что русские уже побывали в Турфане, и, решив, что договор нарушен, отправились в Кучу. После этого никто не пытался резервировать места раскопок по джентльменскому соглашению»¹⁵. Трудно согласиться со второй частью данного утверждения, так как оно сделано без учета ниже публикуемых документов, которые проливают свет на важнейшие моменты, обусловившие ход работ обеих экспедиций как

⁹ Grünwedel 2001, 51.

¹⁰ Grünwedel 2001, 53, 55.

¹¹ Grünwedel 2001, 56.

¹² Grünwedel 2001, 62.

¹³ Grünwedel 2001, 185.

¹⁴ Имеется в виду оазисный город Куча (Ku-še), после завоевания Турфана уйгурами – Караходжа, расположенный в округе Ак-су, административный центр уезда Куча Синцзян-Уйгурского автономного округа Китая. В конце I тыс. до н.э. Куча была политическим и экономическим центром одноименного государства юэчжей, расположенного вдоль северной кромки пустыни Такламакан в бассейне Тарима, одним из важных перевалочных пунктов на Великом шелковом пути. В период распространения буддизма в Центральной Азии (в I–III вв. н.э.) в городе и в его округе были построены многочисленные буддийские святилища. Куча была центром распространения буддизма в Китае.

¹⁵ Витфилд 2008, 214.

в 1906 г., так и в течение последующего десятилетия. Как показывают приводимые ниже письма и документы, причиной конфликта было не появление экспедиции Русского комитета в Турфане, а действия ПИТЭ в округе Кучи.

Итак, главными действующими лицами этой драмы стали российские востоковеды В.В. Радлов, С.Ф. Ольденбург – руководители Русского комитета, а также Д.А. Клеменц и М.М. Березовский и их немецкие коллеги – А. Грюнведель и А. фон Лекок.

Едва ли нуждаются в представлении С.Ф. Ольденбург и В.В. Радлов. Сергей Федорович Ольденбург (1863–1934) – выдающийся российский ученый-востоковед (в первую очередь – индолог) и организатор науки: академик (с 1900 г.), Непременный секретарь Петербургской академии наук (с 1904 г.), Российской АН (с 1917 г.), АН СССР (1925–1929), Министр народного просвещения (июль–сентябрь 1917 г.)¹⁶. Ольденбург стоял во главе двух экспедиций, организованных на средства Русского комитета в 1909–1910 и в 1914–1915 гг.

Василий Васильевич (Вильгельм Фридрих) Радлов (1837–1918) – выдающийся российский востоковед-тюрколог, академик ПАН с 1884 г., с 1888 г. директор Азиатского музея, с 1894 – Музея антропологии и этнографии, первый председатель Русского комитета, лично в высшей степени заинтересованный в успехе работ как русской, так и немецкой экспедиций. Участники обеих миссий отправляли ему образцы уйгурской письменности, занимавшей Радлова, который первым в современной тюркологии начал публикацию древнеуйгурских текстов¹⁷.

Дмитрий Александрович Клеменц (1847–1914) – российский путешественник, археолог, исследователь Сибири и Центральной Азии, революционер-народник. Учился в Казанском и Санкт-Петербургском университетах на физико-математическом факультете, был исключен за революционную деятельность. В 70-е годы XIX в. жил в эмиграции; в 1879 – арестован; два года провел в заключении в Петропавловской крепости; был сослан в Якутию, ссылку отбывал в г. Минусинск, где подружился с Н.М. Мартьяновым – основателем Минусинского краеведческого музея. Клеменц помогал Мартьянову готовить экспедиции, обрабатывать коллекции музея. С 1883 г. участвовал в полевых работах, выпустил книгу «Древности Минусинского музея. Памятники металлических эпох» (Томск, 1886), в 1887 г. избран членом-корреспондентом Московского географического общества; с 1902 г. – хранитель Академического этнографического музея Императора Александра III (этнографический отдел Русского музея). Похоронен в Москве на Ваганьковском кладбище¹⁸.

Значительную роль в исследовании прошлого Центральной Азии сыграл Михаил Михайлович Березовский (1848–1912) – крупный зоолог и археолог-искусствовед, научное наследие которого лишь недавно стало вводиться в оборот¹⁹. Часть его научного и эпистолярного наследия, хранящегося в архивах ПФА РАН, Института восточных рукописей РАН²⁰ и Государственного Эрмитажа, остается неизданной, например статьи из Архива востоковедов ИВР РАН «Пещерные буддийские монастыри» (Ф. 59. Оп. 1. Д. 26), «Дневник путешествий за 1907 г.» (Ф. 59. Оп. 1. Д. 13), «Экспедиция М.М. Березовского в Кучу в 1905–1907 гг.» (Ф. 59. Оп. 1. Ед. хр. 21), «Орнаменты на фресках. Китайский Туркестан. Кучарский округ» (Ф. 59. Оп. 1. Ед. хр. 23). Не существует и солидных публикаций, в которых бы жизнь и деятельность М.М. Березовского рассматривались во всей своей полноте²¹. Даже в академической «Истории отечественного востоковедения» личности Березовского

¹⁶ О жизни и научной деятельности С.Ф. Ольденбурга см., в частности: Сергей Федорович Ольденбург. М., 1986; Сорокина 1995, 109–119; Каганович 2006; Мясников 2013, 489–499. Список работ Ольденбурга (см. Скачков, Чижикова 1986, 122–153) насчитывает более 500 монографий, статей, рецензий; обозначить, даже коротко, главные его публикации едва ли возможно, тем более что основные археологические труды Ольденбурга остаются неопубликованными.

¹⁷ Кратко о научной и организаторской деятельности В.В. Радлова см. Решетов 2002, 95–101.

¹⁸ О нем в частности см. Дэвлет 1963, 3–9; Гольдфарб 1985; Литвинский, Терентьев-Катанский 1998, 26–30; Дубов 1998.

¹⁹ Воробьева-Десятовская 2012, 176–182.

²⁰ Краткое описание фонда Березовского см. Назирова 1986, 26.

²¹ Едва ли не наиболее полной является заметка, опубликованная в сети на портале «Природа Байкала» (Ивушкин В. «Китайский мандарин» из Сибири // <http://nature.baikal.ru/text.shtml?id=446>).

не уделено ни строки, а в качестве ссылки на подробный отчет о «жизни и деятельности» Березовского указывается²² на две страницы из общей работы по истории географии в России²³. Двух страниц из работы по истории деятельности русского Русского комитета²⁴ также недостаточно, чтобы представить научное наследие М.М. Березовского так, как оно того заслуживает.

Альберт Грюнведель (Albert Grünwedel; 1856–1935) – немецкий археолог, исследователь индийского и тибетского искусства. Страсть к изучению искусства и к восточным языкам привела Грюнведеля в Мюнхенский университет, где он сочетал изучение обеих дисциплин. Его учителями в востоковедении были специалист по индо-иранским языкам Эрнст Кун (1846–1920) и индолог Эрнст Трумп (1828–1885). Грюнведель – выпускник Мюнхенского университета (1876–1879); с 1881 г., т.е. еще до получения степени доктора, он работал ассистентом в берлинском Этнографическом музее (Museum für Völkerkunde); с 1883 г., получив университетский диплом доктора за подготовку к изданию шестой книги «Рупасиддхи» (Rūpasiddhi) Буддхапи, назначен заместителем директора – куратором этнологической коллекции и собрания северных древностей. В 1891 г. в знак признания существенного вклада в изучение буддийского искусства, южноазиатских языков и в развитие археологического изучения Центральной Азии Грюнведель был избран профессором Берлинского университета. С 1904 г. Грюнведель – руководитель Азиатской секции музея.

Еще в 1899 г. Грюнведель по приглашению академиков В.В. Радлова и К.Г. Залемана присоединяется к Русской археологической экспедиции, работавшей под руководством Д.А. Клеменца в северной части Восточного Туркестана; в 1900 г. он был избран членом-корреспондентом Баварской академии наук, в 1901 г. – членом-корреспондентом Восточного отделения Императорского русского археологического общества. В ноябре 1902 – марте 1903 и в декабре 1907 – апреле 1907 гг. Грюнведель – руководитель первой и третьей ПИТЭ²⁵. Добившись финансовой поддержки для организации экспедиционных работ у владельцев крупнейшего металлургического предприятия Европы Friedrich Krupp AG, он стал первым европейским ученым, который провел систематическое археологическое и искусствоведческое изучение Турфанского оазиса (городище Идикут-шахи)²⁶.

Альберт фон Лекок (Albert von LeCoq; 1860–1930) – немецкий путешественник, археолог, тюрколог. Он работал ассистентом А. Грюнведеля в Этнографическом музее, возглавлял ввиду болезни последнего вторую Турфанскую экспедицию (1904–1905), а позднее – четвертую. Из Восточного Туркестана Лекок отправил в Берлин ок. 360 кг находок²⁷.

Многие неизданные документы из собрания Санкт-Петербургского филиала Архива РАН проливают свет на ход изучения Восточного Туркестана в начале XX в. целом и в 1906 г. в частности. Они в значительной степени проясняют научную и человеческую позицию основных действующих лиц.

Наиболее информативной для рассматриваемого сюжета представляется переписка А. Грюнведеля с В.В. Радловым, С.Ф. Ольденбургом и М.М. Березовским, посвященная обсуждению подготовки к началу работ ПИТЭ и ее работам в Куче и ее округе. Сохранилась и копия одного официального документа, составленного М.М. Березовским и отправленного в Русский комитет. Как следует из письма Грюнведеля, ПИТЭ долгое время не могла получить разрешение на работу на территории Китая и обратилась за открытым листом в Русский комитет. Из комментариев Грюнведеля к ответному письму Ольденбурга видно, что Русский комитет не дал своего разрешения, ссылаясь на то, что не имеет полномочий выдавать подобные разрешения для работ на территории Китая. Тем не менее из дальней-

²² Назирова 1986, 25 (прим. 1).

²³ Берг 1929, 117–118.

²⁴ Назирова 1992, 49–51.

²⁵ См. отчеты: Grünwedel 1905; 1912.

²⁶ Подробнее о жизни и научной деятельности Грюнведеля см. Schubert 1936, 124–142; Walravens 2004, 363–370.

²⁷ Основные работы: von Le Coq 1922; 1926; 1928; об археологической деятельности Лекока см. Hopkirk 1980.

шей переписки, а также писем М.М. Березовского к С.Ф. Ольденбургу следует, что между Русским и Немецким комитетами, во главе которого стоял Р. Пишель, был заключен договор, по которому ПИТЭ обязалась работать в Восточном Туркестане, соблюдая определенные условия, выставленные Русским комитетом. Стремление же расширить эти рамки привело к конфликтам, письменным протестам, выяснению отношений с «переходом на личности». В этом конфликте, в частности, весьма четко проявились особенности исследовательского метода каждого из задействованных лиц: Березовского, Грюнведеля, Лекока.

К сожалению, возможность изучить ответные письма Ольденбурга Березовскому и Грюнведелю (если таковые вообще сохранились: в Турфанском собрании Берлинской национальной библиотеки их нет) пока не представилась. Во всяком случае, данная переписка со всей очевидностью выявляет, сколь велика была роль Петербургской академии наук и Русского комитета в том, что ПИТЭ вообще получила доступ к работам в Восточном Туркестане.

Письма, написанные на русском языке, публикуются в соответствии с нормами современной орфографии и пунктуации с сохранением в ряде случаев особенностей подлинников. Переведенные документы (№№ 1, 3–5, 10) – в современной орфографии и пунктуации.

№ 1

Грюнведель – Ольденбург

(ПФА РАН. Ф. 208. Оп. 3. Ед. хр. 179. Л. 10–10 об.²⁸; перевод с немецкого)

10 мая 1902 г.

⟨...⟩ Из намеков Вашего Сиятельства я также заключил, что письма от Вас и наших петербургских коллег потеряны²⁹. Так что не удивляйтесь, что мы

²⁸ Листы в деле пронумерованы неправильно: номера 10 и 10 об. использованы для обозначения соответствующих страниц в предыдущем письме. Письмо № 5 начинается с л. 10, продолжается на л. 10 об., следующий лист пронумерован правильно – 11, а завершающий – ошибочно как 10 об., тогда как правильный номер – 11 об.

²⁹ Жалобы на работу почтовых служб содержатся также в письме С.Ф. Ольденбургу от супруги Грюнведеля Марии:

Гросс Лихтерфельде, 19. 1. 1903
Дракештрассе, 62

Глубокоуважаемый господин Директор!

Сегодня я обращаюсь к Вам с большой просьбой. Мои последние письма к моему супругу вернулись ко мне из Варшавы с пометкой почтмейстера: «Открытый транзит через Россию запрещен!» Я хотела лишь Вас попросить оказать неоценимую любезность и позволить мне отправлять письма моему супругу на Ваш адрес. Не могли бы Вы взять на себя труд снабдить входящее письмо русским адресом и переслать его моему супругу? Адрес такой: Урумчи (Китайский Туркестан), Русское Императорское консульство. Вы можете быть совершенно уверены в том, что в письмах речь идет только о частных и семейных делах.

Супруга и передающая Вам сердечный привет при совершеннейшем почтении

Мария Грюнведель

(ПФА РАН. Ф. 208. Оп. 3. Ед. хр. 179. Л. 16–16 об.; перевод с немецкого).

В протоколах заседаний Русского комитета, хранящихся в ПФА РАН (Ф. 148. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 10–11) имеется запись за № 17 от 22 марта 1903 г., продолжающая тему затруднений с доставкой корреспонденции А. Грюнведеля: «Д.А. Клеменц сообщил о тех затруднениях, которыми сопровождалось доставление корреспонденции проф[ессора] Грюнведеля во время его экспедиции. Постановлено: принять, в случае надобности, меры к тому, чтобы доставка корреспонденции лицам, командированным в район деятельности комитета, не встречала затруднений и задержек. В связи с этим постановлено: сосредоточить делопроизводство комитета при Музее антропологии и этнографии Имп[ераторской] академии наук – об этом адресе Комитета известить Главный Почтамт».

Вам не отвечали – кроме того письма, в котором Вы нам дружески сообщили о разъяснении Министерства³⁰ о том, что открытый лист³¹ для Турфана как для китайской территории³² не имеет никакой ценности, мы ничего не получали. Я прошу Вас принять то, что я пишу здесь, как извинение, если Вы со своей стороны действительно нам или одному из нас что-либо – утерянное – посылали.

Я также слышал, что доктор Хут³³ заслуживает упреков за то, как он использовал открытый лист. В итоге я пришел к мысли, что это обстоятельство могло повредить выдаче этого документа. Не решится ли вопрос таким образом, что в открытом листе будет значиться только моя фамилия, и что в нем будет отмечено, что меня сопровождают Хут в качестве моего переводчика и музейный техник по фамилии Бартус?

Мне очень жаль, что я все время должен обременять Вас новыми просьбами, но я надеюсь, что придет время, когда я смогу выразить Вам свою благодарность!

С сердечным приветом к Вам и ко всем петербургским господам

Преданный Вам
Альберт Грюнведель

№ 2

Клеменц – Ольденбургу

(ПФА РАН. Ф. 208. Оп. 3. Ед. хр. 269. Л. 15–16; опубл. в: Ольденбург 2012, 233)

Данный отрывок из письма Д.А. Клеменца С.Ф. Ольденбургу важен уже потому, что в нем ранее всего упоминается факт «раздела» территорий между ПИТЭ и экспедицией Русского комитета, хотя А. Грюнведель выставил эти условия лишь в письме к В.В. Радлову от 22 августа 1904 г. (см. ниже). Клеменц пишет о претензиях Лекока (который, кстати, сам в деятельности Первой прусской Турфанской экспедиции в декабре 1902 – марте 1903 гг. не участвовал) относительно работ в Турфане, однако помимо экспедиции самого Клеменца 1899 г., снаряженной Восточным отделением Русского императорского географического общества, в работах которой принимал участие и А. Грюнведель, других миссий российских археологов в Турфане в этот период не было. Можно предположить, что претензии Лекока могут относиться к активной собирательской деятельности А.И. Кохановского в Урумчи, руководимой Клеменцем, о которой говорится в этом же письме. Основательность этого предположения подтверждается документом № 5 (см. ниже). Во всяком случае, упоминаемые ниже претензии Лекока демонстрируют наличие «размежевания» уже в этот, предшествующий началу работ Березовского, период.

9-ое декабря 1904³⁴

⟨...⟩ По поводу действий г. Лекока писать много не стоит. – Он ссылается на какое-то размежевание, о котором я ничего не знаю. Если б оно и было, то ведь

³⁰ Имеется в виду Министерство иностранных дел.

³¹оборот «открытый лист» здесь и далее прописан по-русски.

³² Турфан расположен в Восточном Туркестане на территории Китая; по этой причине его еще называют Китайским Туркестаном. Соответственно, российские дипломатические ведомства не имели полномочий давать или не давать разрешения на проведения археологических раскопок. Точные условия, на которых ПИТЭ имела право проводить раскопки в Турфане, остаются невыясненными.

³³ Имеется в виду Георг Хут (Georg Huth; 1867–1906) – немецкий естествоиспытатель и путешественник; при поддержке ПАН предпринял в 1897 г. путешествие по Сибири с целью изучения тунгусских языков, с 1902 г. сопровождал Грюнведеля в ходе его экспедиций в Восточном Туркестане.

³⁴ В предыдущей публикации (Ольденбург 2012, 233) дата письма неверно была прочитана как «9-ое января». Благодарю И.В. Тункину за важное уточнение.

и Комитеты Берлинский и Петербургский не могут запретить кому-либо интересоваться древностями. Для этого нужно откупить, арендовать какую-либо территорию за деньги, ни что [нрзб.], кто согласится. Нелепо опасаться конкуренции с нашей стороны, так как в Турфанском крае хватит работы на сто лет, на всю Европу, нельзя, да уж и не больно-то корректно считаться с Петербургским комитетом, который взял и исполнил добросовестную задачу – помогать, а не мешать другим исследователям. Если бы мы смотрели на дело по-лекоковски – ничего бы не стоило сделать самые исследования невозможными...

P.S. Ни Радлову, ни Штернбергу я ничего не писал и не говорил о Лекоке, чтобы не заводить альяму.

№ 3

Грюнведель – Радлову

(ПФА РАН. Ф. 177. Оп. 2. Ед. хр. 88. Л. 18–19; перевод с немецкого)

Нижеследующее письмо А. Грюнведеля В.В. Радлову – первый документ, в котором говорится о предстоящей выработке условий раздела Восточного Туркестана между ПИТЭ и экспедицией Русского комитета.

Гросс-Лихтерфельде, Альбрехштрассе, 8
24 июля 1904

...если я буду участвовать в следующей экспедиции, если я буду продолжать свои работы, то поздней осенью я приеду в Санкт-Петербург и начну детальные переговоры с петербургским комитетом...

№ 4

Грюнведель – Радлову

(ПФА РАН. Ф. 177. Оп. 2. Ед. хр. 88. Л. 21–22 об.; перевод с немецкого)

Данное письмо в смысловом отношении продолжает предыдущее. Это единственный документ, в котором представлены условия раздела, выработанные и «озвученные» немецкой стороной: ПИТЭ просила «зарезервировать» за ней районы вокруг Турфана, т.е. лежащие к западу от Кучи. Данная структура выглядит вполне логичной: области работ двух экспедиций не пересекаются.

Берлин, 22 августа 1904 г.

⟨...⟩ По *поручению Комитета* позвольте мне лишь сообщить Вашей Светлости, что этой осенью (в сентябре) будет отправлена предварительная экспедиция Прусского министерства культуры: она будет состоять из господина фон Лекока, научного сотрудника музея, и технического работника Бартуса. Я хотел бы теперь просить выделить нам для работы:

1. Идикутшахи, руины к северу от китайского города Турфан между Булуруком и Багрой – долину Сенгимауз и реки Муртук – последнее для меня в следующем году.

2. Оазис Хами.

3. Округу Курлы, в частности руины между Каршаром, Бугуром и Сингимом (Сангир).

Господин Лекок в течение своей поездки прибудет в Санкт-Петербург и Вам представится.

С наилучшими пожеланиями,

Преданный Вашей Светлости
Альберт Грюнведель

№ 5

Копия оригинала нижеследующего документа была любезно предоставлена сотрудником Свободного Университета в Берлине (Институт языков и культур Южной Азии) доктором Карен Дрейер. Речь идет о переводе на немецкий язык разъяснений Председателя Русского комитета В.В. Радлова и секретаря Л.Я. Штернберга, данных в ответ на жалобы А. фон Лекока (см. выше № 2: письмо Д.А. Клеменца С.Ф. Ольденбургу). Документ дается в переводе с немецкого языка.

Международная Ассоциация
по изучению Центральной Азии
и Дальнего Востока.
Русский Комитет
16 февраля 1905 г.

Перевод
В Императорский Русский Комитет³⁵ в Урумчи

К № 34

Господин Клеменц, член Русского Комитета Международной Ассоциации, переслал в Русский Комитет письмо от доктора Кохановского из Урумчи, в котором он сообщает, что доктор Лекок дал ему разъяснения относительно того, что в Международной Ассоциации по изучению Центральной и Восточной Азии указанная местность уже поделена, что все местности между Турфаном и Кучей следует рассматривать как область работ Немецкой экспедиции, и все то время, что Немецкая экспедиция находится в ней, никакая другая экспедиция и никакое другое лицо не имеют права проводить раскопки или даже покупать находки. В связи с этим я прошу уведомить господина Кохановского, что соглашение между Немецким и Русским Комитетом Международной Ассоциации затрагивает только экспедиции, отправленные обоими Комитетами, и вовсе не препятствует иным исследователям предпринимать свои собственные исследования там, где они сочтут необходимым, даже в тех областях, которые оба комитета определили как место работ своих экспедиций. Конечно, желательно, чтобы такие работы осуществлялись в научном русле, а также принимались во внимание работы, уже начатые другими.

Председатель *В. Радлов*
Секретарь *Л. Штернберг*

Перевод соответствует оригиналу. *Л. Штернберг.*

³⁵ Слово Comité в оригинале подчеркнуто; сверху написано «Consulat?»

Березовский – Грюнведелю

(ПФА РАН Ф. 208. Оп. 3. Ед. хр. 717. Л. 1–3об.)

Данное письмо и протест М.М. Березовского, отправленный С.Ф. Ольденбургу, в значительной степени проливают свет на конфликт, произошедший между русской и немецкой экспедициями. Важно отметить, что речь в нем идет совсем об иных местностях, расположенных к западу от Турфана, чем те, о которых говорилось в письме А. Грюнведеля В.В. Радлову (см. выше), как о регионах, в которых наиболее заинтересована ПИТЭ. Интересы обеих экспедиций в Турфане в 1904 г. не пересекались. Однако, судя по тексту письма и протеста Березовского, а также ответного письма Грюнведеля, Германскому комитету был определен для работ Турфан и его округа, как и просил Грюнведель от лица Германского комитета в письме к Радлову, и, как следует из письма Березовского, часть Кучинского округа – Кумтурса, расположенная к юго-западу от Кучи. К сожалению, в фонде С.Ф. Ольденбурга ПФА РАН среди писем к нему от А. Грюнведеля нет такого, в котором бы речь шла о разрешении ПИТЭ работать в Кумтуре. Однако ПИТЭ распространила ареал работ на Кириш – северо-западную часть Кизильского района, закрепленную за экспедицией Русского комитета, что и вызвало соответствующий протест.

Контур 10/23 мая 1906 г.

Многоуважаемый профессор,

Имеем честь получить Ваше письмо. Вы пишете, что, работая в Кизиле и затем в Кирише, Вы поступали *bona fide*³⁶, полагая, что имеете на это право, и что, если бы я сообщил Вам, что Вы не получили разрешения Русского Комитета, Вы бы сейчас же уехали. Очень рад это узнать. К несчастью, обстоятельства сложились так, что я имел некоторые основания предполагать противное. Прошу меня за это простить, приняв во внимание, что я не имею чести близко знать Вас лично. Обстоятельства эти следующие:

1) В письме к С.Ф. Ольденбургу Вы говорили лишь о желании Вашем исследовать древности Контурсы, а не всего Кучинского округа. 2) Логическая несообразность, что Русский комитет разрешил более того, о чем его просили, и разрешил Германской экспедиции исследования и коллектирование в Кучинского округе, одновременно послав туда же с тою же целью свою экспедицию, более бедную людьми и средствами. 3) В Куче я изложил г[осподину] Лекоку положение дела так же, как изложил его потом в протесте. Г[осподин] Лекок, как он мне сообщил, передал этот разговор Вам. Такому словесному сообщению не было, однако, придано значения, и из Кизила Турфанская экспедиция перебралась в Кириш. Я не имел достаточного формального основания протестовать против коллекторских работ экспедиции в Кизиле, так как мог получить ответ, что Кизил Байского, а не Кучинского округа. Но когда экспедиция переехала в Кириш, принадлежащий в узком смысле к Кучинскому округу, я счел себя вынужденным послать Вам письменный протест.

Мне доставило большое нравственное облегчение узнать, что мои предположения об отсутствии в поступках Турфанской экспедиции *bonae fidei* оказались совершенно ошибочными. Тем не менее, факты остаются фактами. Научные исследования – достояние всех. Труды такого ученого, как Вы, делают честь Вашему Отечеству, но ему не принадлежат. Другое дело коллекции. Музеи – национальная собственность. Лучшие фрески из Кизила и Кириша будут украшать Берлинский, а не Петербургский музей. В Русском Комитете найдутся, конечно, люди, которые поставят это в упрек мне, и комиссии, заведующей моей экспедицией, могут выйти

³⁶ «Добросовестно», «честно» (латин.).

крупные неприятности, и я не вижу выхода из положения, при котором никто бы не пострадал. Могу сделать лишь одно. Я писал Вам, что копии с протеста посылаю Русскому и Германскому комитетам. Но я послал их лично С.Ф. Ольденбургу, предоставив ему и гг. Клеменцу и Григорьеву поступать с ними, как они найдут нужным.

С глубоким уважением,
Мих. Березовский

№ 7

Копия

Господину Профессору Грюнвелделю
Начальнику Турфанской экспедиции

Многоуважаемый профессор,

Как Вам известно, Германский комитет Международной ассоциации ориенталистов предложил Русскому комитету в видах большой успешности археологических исследований в Китайском Туркестане, раздел ведений: Германцы своими экспедициями исследуют, главным образом, Турфанский округ, Русские – Кучинский. Русский комитет согласился на это предложение и исследование Кучинского округа поручил мне.

В прошлом году, когда я уже собирался в эту экспедицию, и должен был уехать не позже как через месяц (политические события задержали меня больше), Вы, многоуважаемый профессор, написали письмо С.Ф. Ольденбургу, где выражали Ваше желание исследовать кумтуринский минг-уй и спрашивали, как отнесется к этому Русский комитет. Этот последний собирается лишь несколько раз в году. Общее собрание только что состоялось, и для обсуждения Вашего предложения надо было бы собрать Комитет экстренно. Но, ввиду моей экспедиции в Кучу, постоянно действовала комиссия, заведующая этой экспедицией и состоящая из С.Ф. Ольденбурга, Д.А. Клеменца и А.В. Григорьева. Письмо Ваше, многоуважаемый профессор, было сообщено С.Ф. Ольденбургом этой комиссии, в которую по этому случаю был приглашен и я. Комиссия единогласно высказалась, что если предложение Ваше делается Русскому комитету, то он, ввиду соответствующего соглашения с Германским, не может ответить иначе как отрицательно. Спросили и мое мнение. Я заметил, что если предвидится отказ Комитета, то, может, самое лучшее, и не докладывать, так как отказ может внести неприятную личную [нрзб.] в отношении комитета к так уважаемому всеми профессору Грюнвелделю. Что, конечно, если бы в Кучинском округе стали одновременно работать 2 экспедиции, не только исследующие, но и коллектирующие, то интересы русской, как беднейшей и людьми, и средствами, естественно бы пострадали. Не говоря уже о том, что при одновременной работе 2-х экспедиций естественно возникает совершенно нежелательная, антинаучная конкуренция. Работа наперебой: кто первый захватит и снимет сливки. Но что в данном случае я лично ничего не имею, если Г[осподин] Грюнвелдель займется исследованием древностей Контуры, не касаясь других частей Кучинского округа, где хватит работы и для меня. Комиссия согласилась с моим взглядом. Вопрос не был доложен Комитету, и о положении дела должно было быть сообщено Вам.

Ввиду вышеизложенного, узнавши, что теперь Турфанская экспедиция ведет работу в Кирише, Кучинского округа, я вынужден заявить Вам, многоуважаемый

профессор, как начальнику Турфанской экспедиции, от лица Русского комитета, формальный протест.

Копии этого письма посылаются мною Русскому и Германскому комитетам.

Глубоко уважающий Вас
Михаил Березовский

№ 8

Грюнведель – Березовскому

(ПФА РАН. Ф. 208. Оп. 3. Ед. хр. 720. Л. 1–1об.)

Следующие два письма А. Грюнведеля М.М. Березовскому важны потому, что в них, прежде всего в первом, немецкий археолог указывает причину, по которой ПИТЭ сочла возможным распространить свою работу на «окрестности Кучи»: это устное разрешение В.В. Радлова. С одной стороны, и Кириш, и Кизил, и Кумтура находятся вблизи Кучи. И если В.В. Радлов действительно санкционировал работу ПИТЭ в «округе Кучи», то это можно было понять и как разрешение работать не только в Кумтуре или Кизиле. С другой стороны, Радлов не мог не знать о том, что ПИТЭ разрешено работать в Кумтуре, по этой причине он мог подтвердить это решение Русского комитета общей формулировкой «в округе Кучи», которую немецкие археологи уже могли интерпретировать расширительно, т.е. «во всей округе Куче», а не только в Кизиле и Кумтуре. К сожалению, на середину 1900-х годов в переписке Грюнведеля и Радлова выпадает лакуна: за период между 24 апреля 1905 и 16 февраля 1909 гг. писем между ними в фондах ПФА РАН нет, и восстановить детали их беседы не представляется возможным.

г. Куча 21мая 1906 г.

Многоуважаемый Господин!

Имею честь, сообщить Вам, что я получил Ваше письмо и протест в селении Кириш третьего дня тому назад и что я сейчас скончал работу и возвратился в город Кучу. Извините, многоуважаемый господин, что я не ответил Вам из Кириш от неимения почтовой бумаги. Теперь я очень очень сожалею, что этот короткий путь причинил такой диссонанс между нами, но я Вам очень благодарен получив действительный рапорт Вашего Комитета. Все, что Вы сказали о предложении, которое я написал господину Академику Ольденбургу, мне помнится, но я ничего не знал об этом, что мне дозволено работать в окрестностях города Куча только Вашею любезностью. В Санкт-Петербурге – когда я простился – господин Академик Радлов сообщил мне: Мы допускаем Вам работать в окрестностях Кучи, взяты фрески – но я желал бы получить только фотографические снимки от Вас – если Вы найдете уйгурские рукописи³⁷. Таким образом, я был уверен, что я поступил bona fide до сих пор. Вы знаете, что я не держал в тайне, что мне хотелось, поехать в Кызыл и – в Кириш. Если б Вы сообщили мне, что нам не дозволено, сделать эти исследования, как Вы сделали теперь, я отправился бы без остановки. Само собой

³⁷ Сюжет о снабжении В.В. Радлова уйгурскими материалами экспедиции А. фон Лекока рассматривается в письме Р. Пишеля В.В. Ралову от 25 марта 1907 г.: «Из Кучи господин фон Лекок не привез ничего уйгурского...» (ПФА РАН. Ф. 177. Оп. 2. Ед. хр. 211. Л. 2).

В этом же письме говорится об аналогичном сотрудничестве с А. Грюнведелем: «Конечно, мы совершенно готовы переслать Вам все, что Вы желаете. Грюнведель, однако, сохранил в своем распоряжении привезенные им рукописи. При его огромной шепетильности господа в Народном музее не решаются сделать что-либо без его одобрения и любезно просят Вас дожидаться возвращения Грюнведеля, которое ожидается в мае. Относительно предоставления фотографии мне не было сообщено ничего определенного. Вероятно, она в типографии» (ПФА РАН. Ф. 177. Оп. 2. Ед. хр. 211. Л. 1). Речь идет, вероятно, именно о предоставлении в распоряжение В.В. Радлова фотографии уйгурской рукописи, что было обещано Грюнведелем Радлову в случае их обнаружения.

разумеется, что я слушался бы, несмотря на что Вы были так любезны против нас – но только потому, что Вы старше, чем я.

В Санкт-Петербурге я пообещал советовать Вам, если Вы хотите. Таким образом я очень рад сообщить Вам, что рисунки Вашего спутника очень хорошие – да удивительные с точки зрения, что он не буддийский археолог. Теперь я советую Вам всеми силами отправиться в Кириш и кроме того в другое селение, расположенное на юг от Кириш. Развалины, которые находятся там – я не видал, но говорят, что там не было до сих пор иностранца. У этих фресок – кажется – смесь Кучинского и Турфанского (т.е. уйгурского) стиля.

С искренним уважением
Альберт Грюнведель

№ 9

Грюнведель – Березовскому

(ПФА РАН. Ф. 208. Оп. 3. Ед. хр. 720. Л. 2–2об.)

Получено в Куче 28 мая ст[арого] ст[илия]³⁸

г. Курла 21го Мая (4 июня) 1906 г.

Многоуважаемый господин,

Имею честь Вам сообщить, что я получил Ваше письмо от 10ого мая уже здесь в г. Куча. Но по получении Вашего письма я не был в состоянии ответить немедленно и еще менее в течение моего путешествия в Курлу. Жаль что таким образом прошли почти две недели, а я еще не ответил. Покорнейше прошу извинить за проволочку.

Прежде всего я благодарю Вас за Ваше решение. Относительно первого пункта – моего письма к г. Ольденбургу Вы совершенно правы.

Что Вы сказали о втором пункте – также совершенно верно – но – извините – я этому не виноват. Я получил в С[анкт-]Петербурге словесное разрешение с большою благодарностью потому что я был уверен между тем, что поблизости города Куча древности достаточны для двух или трех экспедиций. Кроме того мне как кабинетному ученому нуждается гораздо больший комфорт для такого путешествия, чем путешественнику весьма опытному как Вы.

Относительно третьего пункта я позволю себе сообщить Вам, что я получил Ваше словесное сообщение тогда только когда работы в Кызыле были в полном ходу так что если б я оставил их я уничтожил бы все сделанное до сих пор. Но я оставил многие самолучшие пещеры совсем невредимыми и только списал фрески важные для меня.

Так как правила композиции фресок и размещения их мне известны и везде только некоторые типы повторяются, то Ваше беспокойство неосновательно, что материалы, которые остались Вам, были бы не так важные как наши. Разуверьтесь – Вы найдете в Кызыле дублиеты самолучших фресок и также в Кирише.

Там мне пришлось исследовать только дополнительные фрески, которые еще раз там находятся – дополнительные для фресок, которые я принес из города Дакьянуса³⁹ около Турфана три года тому назад.

Я очень рад, что я был в состоянии обратить внимание Вашего сотрудника на интересные фрески в пещерах около Кириша.

С искренним уважением
Альберт Грюнведель

³⁸ Отметка в левом верхнем углу сделана рукой М.М. Березовского.

³⁹ Имеется в виду городище Идикутшахри.

Грюнведель – Ольденбургу

(ПФА РАН. Ф. 208. Оп. 3. Ед. хр. 179. Л. 28–29 об.; перевод с немецкого)

Куча, 21 мая 1906 г.

⟨...⟩ Жалобы! Господин Березовский отправил мне позавчера в Кириш⁴⁰ протест. Из него я вижу, что Ваше разрешение мне работать у Кучи должно быть ограничено Кумтурой⁴¹, и что оно исходило не от Комитета в полном составе. Я, однако, хорошо помню, что данное позволение было мне дано в Санкт-Петербурге без подобного ограничения. Кроме того, всякий раз я ставил в известность господина Березовского, он же мне не говорил, что я на это не имею права. Что же касается Кириша, то я смог сделать сообщение лишь его сопровождающему, прекрасно зарекомендовавшему себя в качестве художника⁴². В ответ на его протест я немедленно остановил работы там и вернулся в Кучу.

Завтра я отправляюсь с караваном в Курлу⁴³ и постараюсь успокоить господина Березовского... Рукописи из Кумтуры и Кизила забрали японцы, и лишь чудом наша экспедиция нашла в одной пещере под Кызылом маленькую книгу и множество клочков рукописей на брахми⁴⁴. Уйгурских же здесь нет.

Что же касается Кизила, то господин Березовский найдет там еще три полностью сохранившиеся пещеры и, определенно, не самые худшие, – это дублиеты тех пещер – часто по три, по четыре, которые повторяются и в других местах⁴⁵. Соответствие Турфану небольшое, хотя кучанский стиль и там образует древнейший слой, да и в более молодом стиле он явственно чувствуется.

В Кирише рукописей нет, так как здесь повсюду свирепствовал пожар, однако там, определенно, много засыпанных пещер, и совершенно нетронута большая

⁴⁰ Селение в приблизительно 40 км на восток-северо-восток от Кучи.

⁴¹ Кумтура (*yig.* – «ориентировочная башня») – местность, в которой располагается комплекс «Пещер тысячи будд». Кумтура лежит приблизительно в 25 км от оазиса Куча. До настоящего времени сохранились остатки более 100 храмов V–XI вв. В настоящее время комплекс храмов Кумтуры внесен в список Всемирного наследия ЮНЕСКО.

⁴² Имеется в виду Николай Матвеевич Березовский (1879–1941) – двоюродный брат М.М. Березовского, выпускник Института гражданских инженеров, архитектор и художник, обычно сопровождавший его во время экспедиционных работ. В частности им был разработан проект Буддийского дацана в Санкт-Петербурге, построенного в 1909–1915 гг. О нем см. в частности: Андреев 1995, 44–51 (статья страдает определенными неточностями и пропусками, например, в ней не указан год смерти Н.М. Березовского).

⁴³ Уйгурское название древнего города на Великом шелковом пути – современная Курла (*монг.* Хорл), – административный центр Бурят-Монгольского автономного округа Синцзянь-Уйгурского автономного района КНР.

⁴⁴ Наряду с кхароштки это одна из двух основных разновидностей индийской письменности.

⁴⁵ Показательна и «параллельная» информация М.М. Березовского, данная С.Ф. Ольденбургу в ранее опубликованном фрагменте письма от 18/31 октября 1906 г. из Кучи (ПФА РАН. Ф. 208. Оп. 3. Ед. хр. 718. Л. 1): «Не солоно хлебавши в байских пещерах, я на обратном пути заехал и в кызыльские. Здесь опять подновилось скверное чувство к сентиментальной немецкой каналье, так ловко натянувшей нос друзьям-русским. Хотя Грюнведель и писал, что им “оставлены многие самолучшие пещеры невредимыми”, но это не так. Мин-уй, можно сказать, вывернут немцами наизнанку, так, как это можно сделать, работая три месяца с 15–20 рабочими ежедневно. Возможны, конечно, кое-какие находки и теперь, но это дело чистого случая» (Хохлов 1997, 358).

деревня к югу от Кириша с ее ступами, пещерами и руинами, название которой я, к сожалению, запомнил.

Различия во взглядах с господином Березовским мне тем более огорчительны, что я постоянно действовал *bona fide* и никогда не имел сознательного намерения нанести какой-либо вред российским путешественникам. Я напоминаю об этом без всякой охоты, но в этом отношении должно было произойти то, что в последние годы из-за своего «пристрастия» в России я должен был слишком многое претерпеть. То, что было мною сделано, соответствует моим представлениям о справедливости и высшему уважению, которое я питаю перед каждым научным достижением. То, что я лично обязан быть благодарным российским ученым, не требует дальнейших комментариев, поэтому расхождения с господином Березовским прискорбны до крайности.

Ураганный темп научных экспедиций в Центральную Азию имеет свои хорошие стороны – я не могу к тому же скрывать мысли, которые так и просятся наружу: если бы в составе экспедиций не было опытных путешественников и археологов. Основной вопрос для последних быстро встает во всей своей простоте, каким он казался в начале, в то время как в ином направлении трудности только нарастают. Господа японцы вымели все подчистую – а тут как тут братья мадьяры! Что же из этого выйдет?

А эти злосчастные рукописи! Что при этом только ни будет уничтожено, разорвано, разломано и перекопано! Мне очень интересен большой храм в Муртуке – то, что я слышу о его нынешнем состоянии, звучит очень прискорбно. Турфана – с его вечными чертями, претами⁴⁶, дикостью и страхом в прочих изображениях, после веселого стиля здешней области с ее тонкой элегантной полудревней иранской культурой я боюсь; переизбыток орнамента заключает в себе что-то удушающее, устрашающее.

Мой уважаемый учитель Кун в Мюнхене будет теперь печатать мой жалкий отчет о Дакиане⁴⁷ со всеми его «козлами», которых я уже чую. Он потребует много работы, а смогу ли я ее выполнить – большой вопрос. К счастью, господин Пишель сумел продлить свою археологическую профессию: срочно требовались ученики, возможно, что сроки уже и прошли.

Теперь я вынужден сказать Вам адъё и попросить Вас еще раз примирительно, как Вы это всегда делаете, благоволить действовать. Сердечно приветствуйте, пожалуйста, от нас всех петербургских знакомых, и Вам шлет сердечный привет

Преданный Вам
Альберт Грюнведель

Два следующих письма М.М. Березовского С.Ф. Ольденбургу излагают точку зрения российского археолога на происшедшее «недоразумение» между двумя экспедициями в частности и на общие вопросы научной этики в целом.

⁴⁶ От санскр. *preta* («ушедший») – в мифологии буддизма – духи, которые не в состоянии удовлетворить свои желания. Прожорливые преты изображаются с огромными животами и маленькими ртами.

⁴⁷ Имеется в виду отчет о работах в Идикут-шахри (Grünwedel 1905).

Березовский – Ольденбургу

(ПФА РАН. Ф. 208. Оп. 3. Ед. хр. 53. Л. 8–14 об.)

26 мая 1906 г.

Куча

<...> Немецкая экспедиция, бывшая у меня все время бельмом на глазу, накануне, 10 мая, уехала в Турфан. Дело не обошлось благополучно и стоило волнений.

Для меня было неожиданностью найти в Куче не только Грюнвелеля, а всех немцев, и узнать, что это «Турфанская экспедиция», главенство в которой от Лекока с приездом Грюнвелеля перешло к последнему. Когда я приехал, немцы были в Кумтуре⁴⁸. Прошла неделя, пока я устроился, и собирался к Грюнвелелю, когда приехал Лекок и сообщил, что экспедиция закончила работу в Кумтуре и на днях, может даже завтра, возвращается в Кучу. Он советовал в тот же день съездить в Кумтуру, чтобы застать там Грюнвелеля. Мы поехали вместе. Я переночевал в Кумтуре, а утром немецкая экспедиция направилась в Кучу. Я с Портом ездил осматривать Мин-уй, а оттуда – тоже в Кучу. На другой день экспедиция уехала в Кизил. Таким образом, я провел с Грюнвелелем лишь вечер в Кумтуре, а на другой день видел только мельком среди сборов к отъезду.

С самого моего приезда в Кучу поведение Турфанской экспедиции меня немного беспокоило. Я слышал, что Лекок ездил по округу, был в Шаяре⁴⁹ и Тонгуз-баше⁵⁰ и послал своих людей в другие места. Это имело вид, что экспедиция искала пригодное для работы место. Хотя тут могла быть и просто любознательность. Отъезд в Кизил тоже показался мне странным, хотя, конечно, Кизил Байского, а не Кучинского округа. Я не знаю, в каких выражениях состоялось соглашение между Германским и Русским Комитетами, и находил странным, но не считал невероятным, что в соглашении округа понимались в узком, современном, административном значении. Во всяком случае, я решил выяснить положение дела и переговорить с Лекоком, который на некоторое время остался в Куче⁵¹. Я навел разговор на соглашение между Комитетами и по этому поводу рассказал Лекоку, каким образом устроилась поездка Грюнвелеля в Кучу. Лекок очень удивился. Он говорил, что думал, что Грюнвелель получил от Русского Комитета разрешение работать вообще в Кучинском округе. Он объяснил это тем, что Русский Комитет не имел средств послать свои экспедиции. Говорил, что был сбит с толку моим приездом. Лекок просил разрешения передать наш разговор Грюнвелелю; – чего я только и желал.

⁴⁸ Кумтура – см. прим. 41.

⁴⁹ Шаяр – название уезда в округе Ак-су (совр. Синцзянь-Уйгурский автономный район КНР), образованного в 1902 г.

⁵⁰ Тонгуз-баш – разрушенный город к юго-западу от Кучи с руинами буддийских святынь.

⁵¹ Здесь Березовский сделал сноску внизу страницы: «Во время моей трехнедельной экземной страды в Куче я часто виделся с Лекоком, приезжавшим несколько раз и остававшимся на несколько дней. Поэтому я из всех немцев ближе всего с ним познакомился, пожалуй, сошелся. Я нашел в нем практического и умного человека, много видевшего и наблюдавшего, с которым не только приятно побеседовать, а, пожалуй, и вести дела».

Поправившись, я уехал 14 марта сначала в Ташкент, а затем в Кумтуру, откуда вернулся в Кучу лишь вчера. О немцах я несколько раз слышал, что они все еще в Кизиле. 1-го мая Николай⁵² ездил в Кучу и привез известие, что Турфанская экспедиция вернулась при нем и сейчас же опять уехала в Кириш⁵³, где есть Мин-уй, верстах в 20 от Кучи. Это меня ошеломило. Я много волновался и решил вручить Грюнведелю формальный протест. В Куче нашел Лекока, подтвердившего, что экспедиция в Кирише снимает фрески. Я передал протест Лекоку с просьбой передать Грюнведелю. Прилагаю копию протеста, ответное письмо Грюнведеля и мой ответ на это письмо.

Поступил ли я худо или хорошо – не знаю. Судите Вы. Знаю только, что поступил сообразно с моим темпераментом. Вышу ушей не прыгнешь, и от себя не уйдешь. Грюнведель пишет, что, если бы я предупредил его раньше, то он не поехал бы и в Кизил. Но с какой стати напоминать людям о том, что они сами должны знать и понимать? Это все равно, что предупреждать, что сморкаться в салфетку и класть ее карман – не принято. Или как делали в гимназии, давая книгу на прочтение: возьми, брат, читай, только не зажиль. Знаю, что в практической жизни такие напоминания часто не бесполезны. Знаю также, что, например, Энтомологический музей Академии наук или даже Публичная библиотека прекрасно обворовывались господами учеными, поступавшими всегда *bona fide*: т.к. они полагали, что в их руках предмет принесет большую пользу для науки. Знаю все это, но что прикажете делать, если не поворачивается язык?

№ 12

Березовский – Ольденбургу

(ПФА РАН. Ф. 208. Оп. 3. Ед. хр. 53. Л. 8–14 об.; 15–16 об.)

[Без даты]

Получено 20 июля⁵⁴

Многоуважаемый Сергей Федорович,

На днях получил письмо от Грюнведеля и спешу послать его Вам. Оно освещает и дает определенный, несомненный смысл всему происшедшему. Я много смеялся, читая его. Как Вам нравится: «Что Вы сказали о втором пункте – тоже совершенно верно – но – извините – я тому не виноват». Или объяснение, что если бы он оставил работы в Кизиле, то уничтожил бы все сделанное до сих пор и «разуверьтесь – Вы найдете еще в Кизиле дублиеты самолучших фресок, и также в Кирише». Как тут в напущенном тумане, может чтобы воспользоваться предполагаемым невежеством оппонента, ясно чувствуется, что знает кошка, чье мясо съела. Какое квази-наивное смешение в одну кучу изучения и коллекционирования для музея. Было бы грехом против Духа святого уничтожить труд такого, действительно выдающегося ученого, как Грюнведель. Но кто же мешает изучать? Изучай, сколько душа просит, фотографируй и калькируй, но зачем же прятать в кармане? А дублиеты? Как будто фрески берут для музеев только за сюжет и трактовку, а не за хорошее письмо и сохранность, как образ-

⁵² Здесь и далее имеется в виду Николай Матвеевич Березовский (см. прим. 42).

⁵³ Селение в приблизительно 40 км на восток-северо-восток от Кучи.

⁵⁴ Отметка сделана, вероятно, рукой С.Ф. Ольденбурга.

чки манеры писать, искусства, что не передаст вполне никогда ни фотографии, ни калька. Впрочем, в этом случае Грюнведель отчасти прав. Во всех музеях оставляют лучшие экземпляры для себя, а второстепенные и плохие предназначенные для меня и подарков, – называют дублетами. Что в Кизиле многие самолучшие пещеры оставили невредимыми и что при этом имелись в виду друзья-русские⁵⁵ – охотно верю. Ни один порядочный немец не донашивает сапог до полной негодности, а вовремя остановится и скажет: «Ну, довольно: надо их подарить Карлу (слуге), они еще достаточно хороши для него». Грюнведель благодарит за решение, т[о] е[сть] за то, что я не послал копию с протеста прямо Пешелю в Берлин, как хотел. Но он благодарит напрасно. Я сделал это не для него. Вначале я чувствовал лишь личное оскорбление, как человек, которому насрали (простите) на самую маковку. Но потом остыл и понял, что кроме меня замешаны и другие, решать за которых я не имею права, и что бывают положения, когда после плевка в лицо приходится не подымать [нрзб.], а молча утереться. В первом, ответном на протест, письме Грюнведеля звучит в отношении меня наглая нотка. Он сваливает все на меня, говорит, что он не делал секрета из своих намерений ехать в Кизил, и что если бы я предупредил его, не поехал бы и в Кизил. В пандан к этому и глупое сожаление, что такая маленькая поездка произвела такой диссонанс и еще более глупое рассуждение об уважении к возрасту. Тон последнего письма уже иной. Он понял, что вывернуться нельзя и, если пытается, то только для проформы; не стоит: «но извините – я этому не виноват», – протест же Пешелю не послан.

В Петербурге я имел смутное представление о Турфанской экспедиции и думал, что она послана Берлинским музеем вроде того, как я – Русским Комитетом. Оказывается, это не так. Лекок, а теперь, вероятно, Грюнведель, отчитываются прямо перед Министерством. Последнее смотрит на них как на чиновников⁵⁶, понукает и подтягивает вожжи. Последняя высылка денег была, например, обусловлена выездом экспедиции из Кашгара. Только когда она выехала оттуда и телеграфировала – деньги были переведены. Таким образом, это имперская экспедиция. Экспедиция для возвеличения славы германского отечества и для пополнения его музеев, чтобы блеск их затмил музеи других стран. Имперское дело должно быть обставлено наилучшим образом. Нужен специалист, чтобы экспедиция вывезла действительно материалы первого сорта. Поэтому, вероятно, и предложено было ехать Грюнведелю. Насколько я понял из рассказов Лекока, предложение было сделано еще два года назад, но тогда он отказался и рекомендовал последнего. О том, что Грюнведель едет в качестве начальника правительственной экспедиции, я не имел понятия в Петербурге. По-видимому, не знали и Вы, да и в Комитете об этом никто не обмолвился. Если так, то было ли в этом со стороны Грюнведеля сознательное умолчание или же инстинктивная хитрость? Склонен к последнему. Может, он сам вначале не понимал требований того положения, в которое становился. Интересы его, как ученого, конечно, иные, чем имперского коллектора. Его влекло исследовать Минг-уи Восточного Туркестана

⁵⁵ Данный фрагмент письма Березовский сопроводил примечанием внизу страницы: «Николай видел Грюнведеля перед отъездом в Кириш. Он рассказывал про Кизил, советовал туда съездить и говорил: “Мы фам там много оставили”». Возможно, слово «фам» вместо «вам» – не описка; таким образом Березовский мог попытаться иронично передать акцент Грюнведеля.

⁵⁶ Весьма показательна выдержка из письма Грюнведеля Ольденбургу, в котором слово «чиновник» написано, хотя и латиницей, но по-русски: «Вы видите, дорогой друг, что мне, как и тогда в Дакиане, гораздо ближе познание, чем грабеж, к которому человек, который так мало походит на чиновника, как я, и в котором в уже преклонном возрасте снова ожила страсть к бродяжничеству и скитаниям, должен был бы лучше подходить» (ПФА РАН. Ф. 208. Оп. 3. Ед. хр. 177. Л. 28).

в их совокупности, начиная с запада. Но тут загвоздка в виде соглашения между Комитетами. Он начал робко, с частного письма Вам, выражая желание исследовать кумтуринский Минг-уй⁵⁷. Но чем дальше, тем меньше можно говорить о невольной ошибке и *bonafides* его поступков. Хотя и полуманьяк, но, прежде всего, добрый немец (у которого это в крови), он скоро понял, что хозяин даром денег платить не станет и что для него нужны не такие ученые спекуляции и выводы, а прежде всего, толстые тюки первосортного товара. Несомненно, что в главных Минг-уях Кучинского района Кумтуры, Кизиле и, частью, в Кирише, немцы сняли все еще оставшиеся после японцев сливки и обобрали весь выдающийся и более или менее легко доступный музейный материал. У Турфанской экспедиции постоянно работало не менее 15–20 человек рабочих. И это не для очистки засыпанных фресок, а для отыскания лепных фигур и орнамента, а главным образом, – книг. В Кизиле ей повезло, и она нашла одну, как говорил Лекок, а может, и много, как говорит молва. Издалека Вам может показаться, что я нервничаю и преувеличиваю. Что мне все равно было бы не под силу взять то, что взяли немцы, и немало смешно ворчать, как собака на сене. Но это не совсем так, если даже ограничиться только фотографированием. Грюнведель плакал, что за три года, как он видал кумтуринский Минг-уй, последний после визита японцев стал неузнаваем. Каков же он теперь? Мне говорили, что после 3-х–4-х-дневных работ немцев в Кирише оказалось, кроме снятых фресок, много свежеепорченных, исцарапанных и исковерканных, и приписывали эту порчу, будто бы намеренную, – немцам. Последнему я, конечно, не верю. Но факт свежей порчи фресок, полагаю, несомненен и имеет свое объяснение. Посещение Минг-уев туземцами никогда не проходит бесследно. Грамотный что-нибудь напишет, безграмотный – приложит руку или просто ковырнет. У немцев же, как я сказал, постоянно работает 15–20 человек рабочих. Кроме того, при снятии фресок всегда приходится портить соседние, да и не всякую удастся снять⁵⁸. Иногда они ломаются и бросаются. Понятно поэтому, что после ученых исследований Минг-уй имеет вид, точно по нему только что Мамай с Ордой прошел. В пещерах накопаны волчьи ямы, на стенах зияющие раны и царапины, а в откосах от выбросов – свежие обломки фресок и орнамента.

От древних развалин, остатков от разрушения, пожаров и грабежа, но прикрытых веками и прахом, веет всегда какой-то грустной поэзией. Человеческая алчность и глупость представляются тут в стихийной форме. Но когда натыкаешься на свежие следы часто бездельных разрушений, – это вызывает иное чувство. Сжимаются кулаки, и на язык просится крепкое слово.

Меня история с немцами мучила и мучит до сих пор. Пришлось сыграть глупую роль резонера-повара в крыловской басне. «А Васька слушает, да ест». Только занесенный хлыст, в виде заявления о посылке копии с протеста в Берлин, заставит Ваську уйти. Но он ушел не с пустым брюхом, а словав почти все, что плохо лежало. Не утешает и то, что «все погибло, кроме чести»⁵⁹. Каждый, кто познакомится

⁵⁷ Письма с таким содержанием в фонде С.Ф. Ольденбурга ПФА РАН не обнаружено.

⁵⁸ Данный фрагмент письма Березовский сопроводил примечанием внизу страницы: «Поэтому надо поставить за правило фотографировать фреску прежде, чем снимать. Сомневаюсь, чтобы это делали германцы».

⁵⁹ М.М. Березовский приводит русский перевод слов короля Франции Франциска I (1494–1547) из письма к его матери Луизе Савойской, отправленного после поражения французов в битве с испанцами под предводительством Карла V при Павии в 1525 г. В итоге этой битвы сам Франциск попал в плен. Сообщается, будто письмо это состояло из одной строчки: *Tout est perdu, fors l'honneur*. Впервые опубликовано в 1837 г.

поближе с историей, – расхохочется и скажет: «На то и шука в море, чтобы карась не плошал». Ну, довольно, больше не скажу ни слова. Постараюсь все забыть, если смогу. Не всякому это дано...

Вероятно, демарш М.М. Березовского возымел действие. Во всяком случае, как показывает письмо тогдашнего консула в Кашгаре С.А. Колоколова С.Ф. Ольденбургу, при указании на маршрут французской экспедиции под руководством П. Пелльо специально оговаривается, что она не затронет ареал работ М.М. Березовского.

№ 13

Колоколов – Ольденбургу

(СПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Ед. хр. 280. Л. 1–1 об.)

Кашгар, 16 октября 1906 г.

Многоуважаемый Сергей Федорович,

Позвольте сообщить Вам, что во исполнение письма Вашего ко мне от 26 мая с.г., переданного мне Г[осподи]ном П. Пелльо, мною ему было оказано всяческой содействие. Миссия его, прожив в Кашгаре полтора месяца рядом с Консульством, выехала ныне через Уч-Турфан и Аксу, где Пелльо собирается заняться археологией, не затрагивая район действий М.М. Березовского. Оттуда он думает перебраться в Турфан, где и по сие время работает проф[ессор] Грюнвельд...

Литература

1. Андреев А.И. 1995: Об авторе проекта Буддийского храма в Петербурге // Краеведческие записки: Исследования и материалы. 3, 44–51.
2. Берг Л.С. 1929: Очерк истории русской географической науки (вплоть до 1923 г.). Л.
3. Витфилд С. 2008: Взаимоуважение в отношениях ученых в период политического противостояния // Российские экспедиции в Центральную Азию в конце XIX – начале XX века. Russian Expeditions to Central Asia at the Turn of the 20th Century / И.Ф. Попова (ред.). СПб., 203–219.
4. Воробьева-Десятовская М.И. 2012: М.М. Березовский как археолог: (по материалам Архива востоковедов Института восточных рукописей РАН) // ВДИ. 2, 176–182.
5. Гольдфарб С.И. 1986: Д.А. Клеменц – революционер, ученый, публицист. Иркутск.
6. Дубов И.В. (ред.) 1998: Пигмалион музейного дела. К 150-летию со дня рождения Д.А. Клеменца. СПб.
7. Дэвлет М.А. 1963: Д.А. Клеменц как археолог // СА. 4, 3–9.
8. Каганович Б.С. 2006: Сергей Федорович Ольденбург. Опыт биографии. СПб.
9. Литвинский Б.А., Терентьев-Катанский А.П. 1998: История изучения // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерк истории. М., 17–82.
10. Мясников В.С. 2012: О роли Российской академии наук в исследовании Восточного Туркестана // Тангуты в Центральной Азии. Сб. статей в честь 80-летия проф. Е.И. Кычанова. М., 262–271.
11. Мясников В.С. 2013: Образ академика С.Ф. Ольденбурга в документах его современников // Monumentum Gregorianum. Сб. статей памяти академика Г.М. Бонгард-Левина. М., 489–499.
12. Назирова Н.Н. 1986: Экспедиции С.Ф. Ольденбурга в Восточный Туркестан и Западный Китай (обзор архивных материалов) // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока. М., 24–34.
13. Назирова Н.Н. 1992: Центральная Азия в дореволюционном отечественном востоковедении. М.
14. Ольденбург С.Ф. 2012: Этюды о людях науки / А.А. Вигасин (сост.). М.
15. Решетов А.М. 2002: Академик В.В. Радлов, востоковед и музейевед (Основные этапы деятельности) // Радловские чтения-2002. Материалы годичной научной сессии. СПб., 95–101.
16. Сергей Федорович Ольденбург. 1986. М.

17. Скачков П.Е., Чижикова К.Л. 1986: Библиография трудов С.Ф. Ольденбурга // Сергей Федорович Ольденбург. М., 122–153
18. Сорокина М.Ю. 1995: «Молчать долее нельзя...» (из эпистолярного наследия акад. С.Ф. Ольденбурга) / Публикация и примечания М.Ю. Сорокиной // Вопросы истории естествознания и техники. № 3, 109–119.
19. Тункина И.В. (в печати): Неизданное научное наследие С.Ф. Ольденбурга (К 150-летию со дня рождения) // Труды объединенного научного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию. СПб.
20. Тункина И.В. 2013: О судьбе неопубликованного научного наследия С.Ф. Ольденбурга // Историко-научный Санкт-Петербург: К 60-летию СПбФ ИИЕТ им. С.И. Вавилова РАН, 100-летию первых академических учреждений по истории науки и 150-летию со дня рождения Владимира Ивановича Вернадского: XXXIV годичная международная научная конференция Санкт-Петербургского отделения Российского национального комитета по истории и философии науки и техники, 25–29 ноября 2013 г. СПб., 55–61.
21. Хохлов А.Н. 1997: Изучение Восточной и Центральной Азии // История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года. М., 263–392.
22. Grewolls G. 1995: Wer war wer in Mecklenburg-Vorpommern? Ein Personenlexikon. Bremen.
23. Grünwedel A. 1905: Bericht über archäologische Arbeiten in Idikutschari und Umgebung im Winter 1902–1903. (Abhandlungen der Königlich Bayerischen Akademie der Wissenschaften. 1. Kl., Bd 25. 1). München.
24. Grünwedel A. 1912: Altbuddhistische Kultstätten in Chinesisch Turkistan, Bericht über archäologische Arbeiten von 1906 bis 1907 bei Kuča, Qarašahr und in der Oase Turfan. B.
25. Grünwedel A. 2001: Briefwechsel und Dokumente / H. Walravens (Hrsg.). (Asien- und Afrika-Studien der Humboldt-Universität zu Berlin. 9). Wiesbaden.
26. Hopkirk P. 1980: Foreign Devils on the Silk Road: The Search for the Lost Cities and Treasures of Chinese Central Asia. Amherst.
27. Knüppel M. 2010: Theodor Bartus (1858–1941) – Anmerkungen zu seinem siebzigsten Todestag // Pommern. Zeitschrift für Kultur und Geschichte. 4, 14–18.
28. Schubert J. 1936: Albert Grünwedel und sein Werk // Artibus Asiae. 66. 1–2, 124–142.
29. von Le Coq A. 1922: Die buddhistische Spätantike in Mittelasien. Vol. 1. Die Plastik. B.
30. von Le Coq A. 1926: Auf Hellas Spuren in Ostturkistan. Berichte und Abhandlungen der II. und III. Deutschen Turfan-Expedition. Lpz.
31. von Le Coq A. 1928: Von Land und Leuten in Ostturkistan: Berichte und Abenteuer der 4. Deutschen Turfanexpedition. Lpz.
32. Walravens H. 2004: Albert Grünwedel – Leben und Werk // Turfan Revisited; the First Century of Research into the Arts and Cultures of the Silk Road / D. Durkin-Meiseter et al. (ed.). B., 363–370.

NEW DOCUMENTS FOR THE HISTORY OF THE STUDY OF EASTERN TURKESTAN

M.D. Bukharin

The article presents unpublished documents which shed new light on the history of the archaeological exploration of Eastern Turkestan: letters of M.M. Berezovsky and A. Grünwedel sent to each other and to S.F. Oldenburg and W.W. Radloff respectively, as well as official papers. The main subject of the documents in question is the division of the spheres of archaeological excavations in Eastern Turkestan between the Prussian Imperial Turfan Expedition and that of M.M. Berezovsky in 1906.

Keywords: Eastern Turkestan, Prussian Imperial Turfan Expedition, M.M. Berezovsky's expedition, unpublished documents.